

вится мир, тем значительнее воздействие, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. Действующее международное право содержит целый комплекс норм в области прав человека, которые нашли отражение в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека (1948), международные пакты о правах человека (1966), европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и др.

Р. А. Ромашов²

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И РОССИИ

1. Государство, в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, представляет собой политико-социальную форму организации общественной жизни и осуществления публичной власти в отношении населения, строящуюся по принципу вещного владения. В таком понимании государство в лице государственной бюрократии, «замкнутой» на персонифицированную главу государства, представляет субъект власти, а земля (территория) и народ — объект властного воздействия.

Суть государства в его патримониальной природе. Реформирование государства всегда осуществляется сверху, при этом исходящие от государственной власти преобразования основываются на воле достаточно узкого круга лиц, представляющих государствен-

ную власть, а точнее — само государство. В патримониальном государстве в силу его моноструктурности не может существовать официальной оппозиции, разделения властей, федерализма. Личность в государстве обладает правовым статусом — не в силу наличия у нее естественных прав, а в той мере, в какой государство посчитает целесообразным либо нецелесообразным говорить как о самом правовом статусе, так и о его объеме и содержании. При этом государство безгранично в своей возможности ограничения и изъятия личных прав.

2. Западная политико-правовая культура, основанная на ценностях свободы и частной собственности, развивается по принципу циклической спирали. В истории западной культуры можно выделить культуру полиса, культуру республики (общего дела), культуру патримониального государства, культуру публично-правового порядка (state). Данные этапы представляют собой замкнутые циклы, минующие в своей динамике стадии зарождения и становления, прогрессивного развития, стабилизации, стагнации, кризиса и распада. При этом завершающие стадии предшествующего цикла одновременно являются начальными для последую-

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внутренней службы. Автор и соавтор более 380 научных работ, в т. ч.: «Теория государства и права», «Истоки и источники права», «Конфликтология», «Гюрма как “град земной”», «Право — язык и масштаб свободы», «Философия права и преступления», «Юридическая герменевтика в XXI веке» и др.

щего. Западная политико-правовая культура возникает в античный период в древнегреческих городах-полисах, трансформируется в Римскую империю, распад которой обусловил возникновение европейских государств, с их последующим преобразованием в “state of love” — публичные правовые порядки, основанные на признании человека, его прав и свобод основной ценностью и целью публичной правовой политики.

Государственная целесообразность в рамках политико-правовой культуры Запада определяется публичным интересом state как формы социального партнерства. В рамках этого партнерства публично-правовой порядок организации общественной жизни и управления обществом складывается из совокупности личных и корпоративных свобод субъектов, являющихся собственниками как самих себя, так и тех продуктов, которые получают в результате их преобразовательной (культурной) деятельности. Государство (state) объединяет, но не поглощает человека подобно гоббсовскому Левиафану. Место личности в системе state определяется не высшей волей государства, представленного государственной бюрократией, а правовым законом, в равной степени обязательным для личности, независимо от ее должностного положения, социальной корпорации, самого state.

3. Российское государство и общество представляют собой процессуальный продукт российской культуры, которая не может быть отнесена к европейской (западной). В истории российской культуры также можно выделять циклы, однако, в отличие от культуры Запада, данные циклы — не спиральные, а круговые (повторяющиеся).

На всех этапах развития российская культура является государственной, определяемой и задаваемой государственной волей. В качестве циклов российского государства можно выделить удельно-княжеский и централизованный (собственно государственный), при этом формирование России как государства происходит в результате процесса «собираания земель русских», объединяемых под властью московских (русских) государей, а дальнейшее историческое развитие носит сугубо формальный характер. При этом «государственная» сущность российского государства на всех исторических этапах остается неизменной.

Для российской культуры не характерно западное понимание свободы и собственности. Личная свобода отождествляется с личной волей и понимается как независимость от каких бы то ни было обязательственных отношений. Иными словами, «свобода по-русски — это свобода от...» В силу иерархичности государственной структуры объем свободы непосредственным образом зависит от места субъекта в системе властной иерархии. Чем выше положение лица в «вертикали власти», тем большей степенью свободой в отношении подвластных он обладает. Абсолютной свободой обладает глава государства, отвечающий за свои поступки исключительно перед «собственной совестью и Богом».

Понимание государства как предмета собственности (патримонии) главы государства (государя) исключает наличие частной собственности, равно как и дру-

гих форм частного права. Все, что есть в государстве, без исключения (в том числе объекты и предметы, находящиеся в личном владении и пользовании), изначально является собственностью государства-государя, который обладает прерогативами в сфере распоряжения собственностью, не зависящими от желаний фактических владельцев.

4. Применительно к государству понимание интереса основывается на стремлении государственного аппарата к сохранению государственного порядка, выраженного в вертикали власти. При этом отношением к государству как к собственности предопределяется постоянное желание лиц, обладающих властными полномочиями, эти полномочия сохранить. Возникает коллизия между субъективным интересом лица — главы государства, а точнее — государственной бюрократии, стремящегося удержать государство-«вещь» в своем владении, и публично-правовым интересом государства как объективного социально-политического явления, существующего независимо от конкретных государственных деятелей, являющихся живыми людьми и подверженных физическим болезням и смерти. Независимо от формы правления, существовавшей в российском государстве на разных исторических этапах его развития, существовало две тенденции разрешения вышеназванной коллизии, а именно — передача верховной власти по закону и по воле самого государя.

В условиях российской монархии эти тенденции были закреплены в Уставе «О наследии престола», подписанном Петром I (1722 г.) и в «Акте о престолонаследии», обнародованном в день коронации Павла I (1797) и содержащем в себе правовые механизмы наследования императорской власти — «дабы наследник был назначен всегда законом самим». Печальная судьба автора Акта, ставшего жертвой дворцового переворота, наглядно свидетельствует о том, что в российской практике организации высшей государственной власти voluntаризм, безусловно, довлел над правом.

В советской и постсоветской России была установлена республиканская форма правления, формальными признаками которой были выборность и сменяемость властных структур. Однако на практике формирование власти подчинялось не правовым, а voluntаристским принципам. При советской власти такой voluntаризм был выражен в политических интригах на уровне членов Политбюро ЦК КПСС. В условиях современной России можно говорить о модели «преемственности высшей государственной власти», когда кандидатура последующего главы государства определяется его предшественником. При этом основным условием передачи власти «правопреемнику» является обеспечение им личной безопасности в отношении «правопреемника».

5. Государственная целесообразность в рамках российской политико-правовой культуры представляет собой форму закрепления и выражения публично-правовых интересов. С теоретической точки зрения это интересы государства как целостной социально-политической системы, а на практике они представляют субъективные интересы лиц, обладающих реальными властными полномочиями. Очень часто государствен-

ные чиновники называют себя «государевыми людьми — слугами народа». Такое сравнение является оксюмороном, подобным ленинской фразе о «диктатуре пролетариата как высшей форме демократии».

Государев человек служит не государству, а государю, и в этом смысле действительно является слугой, только не народа, а именно государя. При этом, как и любой другой слуга своего господина, «государев человек» в своей деятельности руководствуется не абстрагированным от конкретных лиц законом, а волей своего руководителя. В таких отношениях именно «приказ начальника является законом для подчиненного». Соответствие «приказа сверху» юридическому закону имеет значение только тогда, когда либо «госуда-

рев человек», либо сам «государь» выпадают из существующей вертикали власти. В этом случае включается механизм правового преследования и декларируется равенство всех перед законом.

Подчинение публично-правовых интересов государства субъективному волюнтаризму обуславливает изменяющийся характер государственной целесообразности, что, в свою очередь, может приводить как к системным «перезагрузкам», так и к государственным переворотам. В результате происходит принудительное смещение носителя той или иной волюнтаристской позиции без изменения самого волюнтаристского принципа, являющегося главенствующим в государственной организации российского общества.